

Глаза Фэн Юнсиня перекатились «гулу, гулу» — обычно скрытые глазные яблоки вывернулись, обнажив сосуды и нервы на склере.

— Нельзя бродить по коридорам ночью. Заберите непослушных обратно, — сказал Фэн Юнсинь.

По его команде все пациенты на четвёртом этаже уставились на троих пустыми глазами.

Ван Сяошуай сглотнул, дрожащей рукой сжимая ручку швабры. На всём четвёртом этаже было 30 палат, все четырёхместные, кроме палаты Цзянь Хуая. Это означало, что против них — 116 пациентов и Фэн Юнсинь, чьё состояние было неизвестно.

При таком численном перевесе их просто раздавят, если противники решат наступить.

— Тогда умрите, умрите! — Ван Сяошуай надел ведро на голову и ринулся вперёд со шваброй.

Но Цзянь Хуай был быстрее.

Он плотно упёр левую ногу в пол, мышцы ног напряглись, и он рванул вперёд, как стрела, выпущенная из лука. Он прыгнул на невероятные 15 метров, приземлившись прямо на медицинскую тележку Фэн Юнсиня. Используя её как трамплин, он прыгнул снова. Больничные этажи выше обычных жилых зданий. Цзянь Хуай прыгнул сверху, приземлился за спиной Фэн Юнсиня и вонзил ему в шею ручку швабры, которую выхватил из рук Ван Сяошуая во время прыжка.

Ручка пронзила горло. Глаза Фэн Юнсиня вернулись на место, и он с глухим стуком рухнул лицом вниз.

— Где моя швабра? Где моя швабра? — Ван Сяошуай с ведром на голове вдруг осознал, что швабра пропала. Он закрутился в панике.

Ши Чанфэн снял с него ведро. Ван Сяошуай, снова обретя зрение, тут же увидел Цзянь Хуая, стоящего одной ногой на плече Фэн Юнсиня, с каменным лицом вытаскивающего ручку швабры и небрежно бросающего её в ближайшего пациента. Тот пригвоздился к стене, дёрнулся несколько секунд и затих.

Цзянь Хуай был подобен стремительному гепарду — каждое движение быстрым, точным и безжалостным. Он атаковал без колебаний, будто повторял эти действия тысячу раз. Он мог с закрытыми глазами точно находить слабые места противника.

Пациенты, которые медленно приближались, теперь все ринулись к Цзянь Хуаю, полностью игнорируя Ван Сяошуаю и Ши Чанфэна.

Цзянь Хуай был худым. Обычно — тихим парнем. Перед Цзянь Боханем он казался хрупким и беззащитным, его пустой взгляд вызывал жалость. Теперь же, окружённый сотней неизвестных чудовищ, он поднял руку, стирая брызги крови с лица. Запятнанное кровью лицо придавало ему безумный вид, от которого пробегал холодок по спине.

Пациенты вокруг будто застыли в его восприятии. Он подцепил пальцами ног упавшие с тележки Фэн Юнсиня пакеты с физраствором, подбросил их в руки, небрежно разорвал упаковку и, держа по две капельницы в каждой руке, набросил их на шеи ближайших пациентов.

Капельницы словно обладали разумом. Две полуметровые трубки сплелись в косу, увеличивая прочность, чтобы их нельзя было легко порвать.

Цзянь Хуай связал по три пациента каждой рукой. Рывком свёл шесть голов вместе, и ближайшие шестеро сплелись в клубок, их руки и ноги беспомощно скребли пол, неспособные атаковать.

Ван Сяошуай: «...»

Ван Сяошуай деревянно ткнул пальцем в Цзянь Хуая и сказал Ши Чанфэну:

— Доктор Ши, разве нам не нужно помогать?

— Кажется, нет, — разжал кулак Ши Чанфэн. Он сказал Ван Сяошуаю, стоящему справа: — Отойди немного.

Едва он договорил, Цзянь Хуай пнул нескольких пациентов в их сторону. Ван Сяошуай в ужасе поднял ведро, чтобы защититься, но пациенты застыли в десяти сантиметрах от Ши Чанфэна, зависнув в воздухе.

Треск, треск — проскочило несколько искр, и пациенты рухнули на пол с почерневшими лицами, явно выбыв из строя.

Перед Ши Чанфэном будто стояла невидимая преграда, которую никто не мог преодолеть.

Ван Сяошуай увидел, как по перчаткам Ши Чанфэна пробежали искры, «треск, треск».

Ши Чанфэн слегка сместился вправо, повернув голову, и сказал Ван Сяошуаю:

— Вот почему я сказал отойти — чтобы не пострадал.

Ван Сяошуай зажал рот, чтобы не закричать от ужаса. Он закивал, вцепился в ведро и спрятался за Ши Чанфэна, не смея пикнуть.

Он думал, что они — три брата по оружию, вместе встречающие вызов. Но на деле два отца взяли маленького за хвост, чтобы поколотить монстриков.

Тем временем Цзянь Хуай был окружён морем крови. Хотя его движения казались ловкими, он уже давно не видел окружения. С момента, как пациенты вышли из палат, его зрение затянуло кровавой пеленой, и он полагался только на обоняние.

Когда облако «формальдегида» рвануло к нему, он инстинктивно подпрыгнул и встал на плечо «формальдегида». Смутно он услышал голоса издалека: «Не надо», «Осторожно», но разобрать не смог. В момент приземления на плечо в ногу вонзилась острая боль.

— Этот пациент покрыт хирургическими иглами! Не наступай на него! — закричал Ван Сяошуай, предупреждая Цзянь Хуая.

Но Цзянь Хуай будто не услышал. Он твёрдо стоял на иглах. Тело пациента содержало бесчисленные полуизогнутые хирургические иглы. В момент прыжка иглы вырвались из тела, пронзив подошвы Цзянь Хуая.

Тут Ван Сяошуай осознал, что Цзянь Хуай босой. Он вскрикнул:

— Почему он без обуви?!

Хирургические иглы были недлинными, всего 14 мм. Если бы Цзянь Хуай был в кроссовках, иглы не смогли бы проткнуть даже подошву.

— Мы проверили экипировку до твоего прихода, — сказал Ши Чанфэн. — В палате Цзянь Хуая были только мягкие больничные тапочки. В них двигаться неудобно, поэтому лучше без них.

— Больница разрешает пациентам иметь в личных вещах тканевую обувь и кроссовки! Это не считается оружием! — возразил Ван Сяошуай.

Он вдруг замолчал. Большинство личных вещей приносили родственники. Семья Цзянь Хуая — это Цзянь Бохань, профессор. Возможно, он не предоставил Цзянь Хуаю подходящей обуви.

Даже Цзянь Хуай, несмотря на пронзающую боль, пошатнулся. Этим воспользовался другой пациент, выбросивший вперёд множество хирургических игл. Он подпрыгнул, схватил Цзянь Хуая, и бесчисленные иглы впились в его тело.

— Боже мой! — Ван Сяошуай замахнулся шваброй. — Доктор Ши, поможем!

Один вид белой рубашки Цзянь Хуая, залитой кровью, заставлял Ван Сяошуая чувствовать боль во всём теле. Он не мог представить, как тому больно!

Но Ши Чанфэн растопырил правую руку, преграждая путь. Этот доктор, всегда дававший чувство защищённости, теперь безжалостно сказал:

— Жди.

— Чего ждать? Цзянь Хуай умрёт! — закричал в ярости Ван Сяошуай.

В этот момент Цзянь Хуай оттолкнул прилипшего пациента, и вокруг поднялось кровавое облако.

Каждая капля крови, падая, превращалась в туман, медленно окутывая пациентов. В кровавой дымке пациенты, похожие на трупы, медленно падали.

Цзянь Хуай, будто не чувствуя боли, вытаскивал из себя каждую иглу. Кровавый туман постепенно расползлся к Ши Чанфэну и Ван Сяошуаю. Тот ясно увидел невидимую сеть фиолетово-серебристого электричества в десяти сантиметрах перед Ши Чанфэном, преграждающую путь туману.

Искры посыпались, и тонкая красная струйка прорвала барьер, поплыв к двоим.

Ши Чанфэн схватил Ван Сяошуаю и отступил в конец коридора. Только тогда Цзянь Хуай вытащил все иглы. Кровавый туман, центром которого он был, собрался и постепенно вернулся в его тело.

Юноша стоял посреди коридора, окружённый пациентами, лежащими, как трупы. В этот момент Цзянь Хуай казался страшнее всех сотни пациентов вместе взятых.

После исчезновения тумана Ши Чанфэн осторожно подошёл к Цзянь Хуаю с Ван Сяошуаю. Увидев, что тот не двигается, он отодвинул прядь волос, закрывающую глаза Цзянь Хуая. Взгляд был стеклянным.

— Цзянь Хуай? — позвал его Ши Чанфэн.

Только тогда Цзянь Хуай очнулся. Он огляделся, в глазах мелькнуло удивление. Он указал на пациентов на полу, неспособных двигаться, и сказал Ши Чанфэну:

— Ты сделал это?

Ши Чанфэн слегка опешил.

— Ты не помнишь?

— Что помню? — спросил Цзянь Хуай.

Раны от хирургических игл зажили. На рубашке и брюках были дыры, но на теле — ни царапины. Лишь полоска крови осталась на лице — кровь Фэн Юнсиня, не его.

Ши Чанфэн вытер кровь с лица Цзянь Хуая и рассмотрел её на пальце. Кровь была тёмной и тусклой, не как у живого человека.

— Ты помнишь, как кровь попала на лицо? — спросил Ши Чанфэн.

— Брызнула, когда я ударил его, — Цзянь Хуай пнул тело Фэн Юнсиня.

— А потом? — спокойно спросил Ши Чанфэн. Он не показал ни удивления от потери памяти, ни страха перед силой Цзянь Хуая. Как опытный врач, он терпеливо помогал вспомнить.

Его мягкость успокоила Цзянь Хуая. Тот напряг память:

— После удара я перестал видеть. Может, они использовали какой-то спрей? Всё было красным и туманным. Я ориентировался по запаху. Потом заболела нога... и, кажется, силы кончились. Ты добил остальных монстров?

Цзянь Хуай посмотрел на чёрные полуперчатки Ши Чанфэна, чувствуя, что в них скрыта ужасающая сила.

Забыл после того, как иглы проткнули его и заставили истечь кровью? Цзянь Хуай говорил, что его память всегда отрывочна, многое он не помнит. Ши Чанфэн задумался, связано ли это с кровавым туманом.

— Допустим, это я их одолел, — принял «заслуги» Ши Чанфэн, одновременно косясь на Ван Сяошуа правым глазом.

Тот выпрямился, закивал, в душе рыдая от отчаяния.

— Надо убрать этот беспорядок? — спросил Ши Чанфэн.

— Не стоит, — ответил Цзянь Хуай. — К утру они исчезнут сами. Следы на стенах кто-то сотрёт, а они проснутся и будут ходить, как обычные люди.

Только он помнил этот снопоподобный опыт.

— Ты говорил, что хочешь оставить следы ночью. Но если они восстанавливаются, в этом нет смысла, — сказал озадаченный Ши Чанфэн. Если Цзянь Хуай так много знает о ночных событиях, почему предложил невозможное?

— Не здесь, — сказал Цзянь Хуай.

— Ты имеешь в виду... — Ши Чанфэн задумался.

— Да, — кивнул Цзянь Хуай.

Они переглянулись, поняв друг друга. Ван Сяошуай чувствовал себя идиотом.

— Погодите! — поднял руку Ван Сяошуай. — Никто не объяснит, почему пациенты четвёртого этажа вышли? В мою ночную смену такого не было, а сегодня мы даже не думали о больничных страшилках!

Ши Чанфэн терпеливо объяснил:

— Думали. В восемь вечера, когда ты умывался, Фэн Юнсинь уже рассказал тебе о пациентах-трупях. Процесс рассказа и слушания — это форма воспоминания.

— Но мы говорили до полуночи, — сказал Ван Сяошуай.

— Это заблуждение, — ответил Ши Чанфэн. — Первое «нельзя» упоминало полночь. Мы автоматически применили это ограничение к остальным правилам, хотя в них время не указано.

Ван Сяошуай перечитал «три запрета». Второе правило действительно говорило «ночью», без уточнения времени! А третье вообще не имело ограничений.

— Фэн Юнсинь превратился в труп после рассказа? — испуганно спросил Ван Сяошуай.

— Возможно, нет, — взглянул на него Ши Чанфэн. — Вы оба медработники. Ты тоже вспомнил историю. Почему не изменился?

Ответа не было. Ван Сяошуай знал, что он не особенный — обычный санитар. Он не был безумно сильным, как Цзянь Хуай, или загадочно могущественным, как Ши Чанфэн.

Он пошёл за ними, спросив:

— Куда теперь?

— Какая самая явная разница между днём и ночью? — спросил Ши Чанфэн.

— Много чего, но страшнее всего — внезапная смена директора, — ответил Ван Сяошуай. Цзянь Бохань казался ему страшнее монстров.

Цзянь Хуай вдруг заговорил:

— Даже если он не директор, он всё ещё специалист третьей больницы. Он принимает пациентов по средам и пятницам, у него есть кабинет в корпусе. Я никогда там не был.

В детстве или сейчас — Цзянь Хуай никогда не интересовался рабочим местом отца. Он всегда избегал Цзянь Боханя.

В детстве он, возможно, восхищался его академическим статусом. Но, взрослея, чувствовал только страх и покорность.

Цзянь Бохань говорил, что у Сяо Хуая врождённая антисоциальность, и он не может контролировать преступные позывы в генах.

Цзянь Бохань говорил, что Сяо Хуай любит то, что нормальным людям не нравится, и это проблематично.

Цзянь Бохань говорил, что Сяо Хуай сумасшедший.

Цзянь Хуай покорно сошёл с ума, его разум разрывался между здравомыслием и безумием. Он боялся взаимодействовать с Цзянь Боханем. Он так долго был в больнице, но никогда не исследовал, почему, и не пытался найти кабинет отца.

До сегодняшнего дня, когда Ши Чанфэн сказал ему: «Ты не сумасшедший». Только тогда Цзянь Хуай сделал шаг вперёд. Он хотел узнать, кто он, и что думает Цзянь Бохань.

Цзянь Хуай шёл вперёд. Он слышал, что сердце стучит, как барабан. Даже находясь в целом здании от кабинета, одна мысль о приближении к нему наполняла его ужасом.

И всё же он шёл.

— Тебя донести? — рука вытерла холодный пот со лба. Ши Чанфэн сказал: — Ты был так активен, наверное, устал?

У Цзянь Боханя было два кабинета: директорский — на верхнем этаже поликлиники, и специалиста — на 28-м этаже корпуса. Они решили исследовать последний. Это означало подъём с 4-го на 28-й этаж. Лифтом пользоваться было нельзя, чтобы избежать опасности, поэтому пришлось идти пешком. Ван Сяошуай уже задыхался, а у Цзянь Хуая похолодели руки и ноги, лоб покрылся потом.

Только Ши Чанфэн дышал ровно, будто гулял по саду.

— Нет! — Цзянь Хуай отшлёпал его руку.

— Хаф... хаф... — Ван Сяошуай чувствовал, что это ему нужно, чтобы его понесли, но стеснялся попросить!

К 28-му этажу Ван Сяошуай был готов рухнуть от усталости. Он обычно домосед, играет в игры и смотрит аниме. Полный овощ, с нулевой физподготовкой.

Верхний этаж ночью был пуст. В коридоре не горел свет, и тьма, будто скрывала бесчисленных зверей.

Ши Чанфэн достал мощный фонарь, осветив путь. Он велел Ван Сяошуаю включить фонарик на телефоне и идти задом, чтобы предотвратить атаку сзади.

Цзянь Хуай не боялся темноты. Его зрение всегда было плохим — то ли из-за того, что в детстве слишком долго смотрел на солнце, то ли из-за жизни в подвале, то ли из-за недоверия к глазам. Иногда он видел чётко ночью, а иногда не видел ничего даже при свете.

Его пугал не мрак, а кабинет Цзянь Боханя, находившийся совсем близко.

Втроём, подавляя страх, они осторожно приблизились. Дверь была заперта, но это не остановило Цзянь Хуая. Он силой выбил замок, и дверь открылась. В момент, когда они переступили порог, вокруг вспыхнул свет.

Они вернулись в коридор четвёртого этажа. В окно пробивался луч света; коридор был чист.

На электронном табло было 7:30 утра.

— Что? Уже? — Ван Сяошуай посмотрел на телефон. Он точно помнил, что при включении фонарика там было 1:23 ночи.

Целых шесть часов просто исчезли.

Дверь комнаты отдыха открылась, и вышел Фэн Юнсинь, потягиваясь и зевая. Увидев Ван Сяошуая, он сказал:

— О? Сяошуай? Ты правда не ушёл домой? Что с тобой? Серьёзно поссорился с девушкой?

Фэн Юнсинь поздоровался с Ши Чанфэном и Цзянь Хуаем, затем взял полотенце и пошёл умываться.

Утренний свет за окном словно насмеялся над их тщетными усилиями.

<http://bllate.org/book/13781/1216448>